

Тёмные столбы дыма стояли над полем, ветер гнал их прямо на нас, и скоро дышать стало нечем. Огонь приближался, и нужно было либо трогаться в путь при ясном свете дня, либо сгореть, что было бы непростительно глупо. Утро было проведено очень недурно: от немецких артиллерийских батарей, которые нам приказано было уничтожить, осталось одно воспоминание. На обратном пути мы подбили два танка и один загнали в трясины. Мы вышли из этого дела без единой царапины. А теперь, прикрывшись ветками, сидели тихо, как мыши. Мейлицев приказал заводить мотор, и мы пошли, держась «под дымом». Это была единственная возможность укрыться от немецкого огня. Мы двинулись вперёд, хотя с каждой минутой дым всё больше душил нас и слёзы застилали глаза. Мы на полном ходу вошли в лес и укрылись в орешнике. Теперь можно было спокойно дожидаться ночи. Механик-водитель остался дежурить, а мы с Мейлицевым пошли на разведку. Уж больно тихий был этот лес в пяти-шести километрах от немецких позиций! Ручеёк выбегал на лесную тропинку. Я выпил воды, умылся и стал наполнять флягу, но едва не выронил её из рук: где-то очень близко от меня послышался стон. Раненый танкист лежал, уткнувшись лицом в траву. Это был Векшин, комиссар нашей части. У него была ранена левая рука, и он потерял много крови. Спустя четверть часа мы довели комиссара до танка. Раненая рука мешала ему, и время от времени он смотрел на неё, скрипя зубами от боли. Но вместе с болью сознание всё больше возвращалось к нему. Мейлицев, — вдруг позвал он шёпотом. — Послушай... Вы не ходили дальше того места, где меня подобрал? Нет, товарищ комиссар. Мне, брат, причудился домик, — серьёзно сказал комиссар. Домик? Да. А вот во сне или наяву, никак не могу припомнить. Мы собрались вокруг Векшина, и он рассказал, что после ранения некоторое время полз в лесу и вдруг наткнулся на домик и услышал немецкую речь. Он долго лежал в кустах, то приходя в себя и прислушиваясь, то теряя сознание от мучительной боли, потом увидел себя в другом месте, в зелёной лощине, среди высокой травы. Это было последнее, что он ещё помнил. Там я вас и нашёл, товарищ комиссар, — сказал я. Мы помолчали. Щроверить? — спросил Мейлицев. Надо проверить, — быстро ответил комиссар. Я вызвался выполнить это поручение. Давно уже стемнело, и небо было лунное, ясное. Но домика нигде не было. Вдруг я совершенно отчётливо услышал немецкую речь. Надо полагать, что домик был недурно замаскирован, потому что, как я ни таращил глаза, ничего не видел, кроме тёмной купы деревьев. Но это был домик, потому что я услышал, как ступенька скрипнула под ногой и сонный голос ещё раз сказал что-то по-немецки. Не припомню, когда я ещё полз так старательно — ни один куст не шевельнулся, ни одна веточка не треснула подо мною. Я вернулся и доложил командиру, что домик — это не сон. Решение могло быть только одно. Но как завести мотор и не привлечь внимания немцев, когда малейший шорох далеко слышен в ночной тишине? Комиссар решил эту задачу очень просто. Дождаться бомбардировщиков, — сказал он, — и, воспользовавшись их гулом, быстро завести мотор. Первый раз в жизни мы ждали немецких бомбардировщиков с нетерпением. Наконец они показались над лесом. Мейлицев приказал завести танк. Стараясь идти в зоне этого гула, мы двинулись по кустарникам по направлению к зелёной лощине и с ходу врезались в этот загадочный домик. Фашисты не ожидали гостей: они выскочили из домика, беспорядочно стреляя из револьверов. Танк отошёл, и комиссар с гранатой в руке спрыгнул на землю. Под огнём он подошёл к домику и открыл дверь ногою. Немцы били теперь прямо по домику. Минута, вторая, третья... Кажется, это были самые длинные минуты в моей жизни. Но вот дверь снова распахнулась, и комиссар появился на пороге. В здоровой руке он нёс портфель и полевую офицерскую сумку. Бумаги и карты торчали отовсюду. К вечеру мы прорвались к своим. Нельзя было не прорваться! Мы везли всю переписку, все документы и карты штаба крупной немецкой части.

(По В.А. Каверину*)

*Каверин Вениамин Александрович (1902-1989) — русский советский писатель, драматург и сценарист, автор известного романа «Два капитана».